

DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2801](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2801)**А. Н. Щербак, Н. С. Зубарев, Е. С. Семушкина****ПОЧВЕННИКИ — ЗА ПОЧВУ! КОНСЕРВАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ
И ПРОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РОССИИ****Правильная ссылка на статью:**

Щербак А. Н., Зубарев Н. С., Семушкина Е. С. Почвенники — за почву! Консервативные установки и проэкологическое поведение в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 66—89. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2801>.

For citation:

Shcherbak A. N., Zubarev N. S., Semushkina E. S. (2025) 'Pochvenniki' – For the Soil! Conservative Attitudes and Pro-Environmental Behavior in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 66–89. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2801>. (In Russ.)

Получено: 12.11.2024. Принято к публикации: 31.03.2025.

ПОЧВЕННИКИ — ЗА ПОЧВУ! КОНСЕРВАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ И ПРОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РОССИИ

ЩЕРБАК Андрей Николаевич — кандидат политических наук, заместитель заведующего Лабораторией сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
 E-MAIL: ascherbak@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1756-1122>

ЗУБАРЕВ Никита Сергеевич — стажер-исследователь, Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
 E-MAIL: nzubarev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2214-4457>

СЕМУШКИНА Екатерина Сергеевна — стажер-исследователь, Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
 E-MAIL: esemushkina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6916-0534>

Аннотация. В работе изучается связь между консервативными установками и проэкологическим поведением в России. Обычно считается, что детерминантами проэкологического поведения являются постматериалистические (согласно теории Р. Инглхарта), или эмансипативные (согласно теории К. Вельцеля), ценности. Многие исследования показывали, что «либералы» значительно менее равнодушны к вопросам охраны окружающей среды по сравнению с «консерваторами». Однако относительно недавно стал заметен интерес консервативных активистов, правых популистов, националистов

'POCHVENNIKI' – FOR THE SOIL! CONSERVATIVE ATTITUDES AND PRO-ENVIRONMENTAL BEHAVIOR IN RUSSIA

Andrey N. SHCHERBAK¹ — Cand. Sci. (Polit.), Deputy Head at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
 E-MAIL: ascherbak@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1756-1122>

Nikita S. ZUBAREV¹ — Research Assistant at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
 E-MAIL: nzubarev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2214-4457>

Ekaterina S. SEMUSHKINA¹ — Research Assistant at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
 E-MAIL: esemushkina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6916-0534>

¹ HSE University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. This article aims to explore the relationship between conservative attitudes and pro-environmental behavior in Russia. It is generally believed that pro-environmental behavior is determined by post-materialistic values (according to R. Inglehart's theory) or emancipative values (according to K. Welzel's theory). Many studies have shown that "liberals" are significantly less indifferent to environmental issues than "conservatives". However, relatively recently, conservative activists, right-wing populists, and nationalists have become interested in the "green agenda", including in Russia, which inevitably affected the environmen-

к «зеленой повестке», в том числе и в России, что неизбежно отразилось на проводимой экологической политике. При этом не до конца изучено, в какой степени изменения на уровне дискурса элит в области экологии влияют на установки и поведение населения. Можно ли на массовом уровне найти положительную связь между консервативными и проэкологическими установками и поведением?

Цель статьи — выявить наличие эконоконсерватизма на массовом уровне в России, протестировать его связь с проэкологическими установками и поведением. Мы используем данные опроса «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России», который проводился в шести регионах России весной — летом 2024 г. ($N = 1950$). Применяв методы корреляционного и регрессионного анализа, мы обнаружили, что один из видов эконоконсерватизма — «экотрадиционализм» — значимо и положительно связан с чувством личной ответственности за природу, экопотреблением и экологическим участием. Эти выводы важны с точки зрения понимания ценностных детерминант проэкологического поведения в современной России.

Ключевые слова: экологические установки, проэкологическое поведение, консерватизм, ценности

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00661 «Региональные и этнические идентичности как фактор низовой политизации и формирования экологической культуры: кросс-региональный анализ ценностных установок и стратегий поведения», <https://rscf.ru/project/23-18-00661/>.

tal policy being pursued. At the same time, the question of the extent to which changes at the level of elite discourse in the field of environment protection lead to changes in attitudes and behavior on the mass level has not been fully studied. Is it possible to find a positive relationship between conservatism and pro-environmental attitudes and behavior at the mass level: in other words, is it possible to identify a pattern of “environmental conservatism” (eco-conservatism) in Russia? The goal of this work is to identify the presence of eco-conservatism at the mass level in Russia and to test its connection with pro-environmental attitudes and behavior. We use data from the survey “Environmental Values and Environmental Behavior in the Regions of Russia”, which was conducted in 6 regions of Russia in the spring-summer of 2024 ($N = 1950$). Using the methods of correlation and regression analysis, we found that one of the types of eco-conservatism, “eco-traditionalism”, is significantly and positively associated with a sense of personal responsibility for nature, eco-consumption, and environmental participation. These findings are important in terms of understanding the value determinants of pro-environmental behavior in modern Russia.

Keywords: environmental attitudes, pro-environmental behavior, conservatism, values

Acknowledgments. This research was carried out with the support of the Russian Scientific Foundation grant No. 23-18-00661 “Regional and Ethnic Identities as a Factor in Grassroots Politicization and the Formation of Ecological Culture: Cross-Regional Analysis of Value Attitudes and Behavioral Strategies”, <https://rscf.ru/project/23-18-00661/>.

Введение

Британская энциклопедия определяет «энвайронментализм» как «политическое и этическое движение, направленное на улучшение и защиту качества природной среды путем изменения экологически вредной деятельности человека»¹. Совокупность проблем в сфере экологии, или «зеленая повестка», становится ключевой темой для глобального политического процесса, ей посвящаются как политические дебаты, так и академические дискуссии (см., например, [Яницкий 2011]). «Зеленая повестка» артикулируется на разных уровнях — страновом, региональном, индивидуальном. Необходимо не только менять политику, законы и институты, но и стиль жизни каждого отдельного человека, его отношение к экологии и, в конце концов, поведение. На заре появления «зеленой повестки» высказывалось мнение, что защита окружающей среды станет внеидеологической, объединяющей общество целью. Однако довольно скоро исследования стали показывать, что поддерживать «зеленый курс» более склонны либеральные политики и граждане [Dunlap, Xiao, McCright, 2001]. Немного спустя «зеленая повестка» из потенциально объединяющей проблемы сама превратилась в фактор политического противостояния. Если условно «либеральные» политики признают всю тяжесть экологических проблем и призывают к более решительным действиям, то условно «консервативные» или стараются преуменьшить остроту проблем, или, как происходит в последние годы, представляют альтернативные взгляды на ключевые экологические проблемы [Carter, 2013; Forchtnier, 2019]. Поиск и объяснение различий между «консерваторами» и «либералами» в их отношении к вопросам защиты окружающей среды оказываются важным направлением исследований в данной области (например, [Dunlap et al., 2001; McCright, Dunlap, 2011b]). Общепринятый взгляд состоит в том, что «либералы» в значительно большей степени склонны к проэкологическим установкам и поведению, чем «консерваторы».

Одно из возможных объяснений такого расхождения между «либералами» и «консерваторами» дает эволюционная теория модернизации [Инглхарт, Вельцель, 2011]. Распространение постматериалистических ценностей приводит к смещению фокуса от вопросов выживания и безопасности к вопросам идентичности, заботы о других. В данной парадигме довольно часто экологический активизм ассоциировался с постматериалистическими ценностями: природа воспринимается как общее нематериальное благо. Согласно данному подходу, граждане с прогрессивными установками должны проявлять равнодушие к экологическим проблемам и соответствующим образом менять свое поведение, образ жизни [Смигельски и др., 2024]. Также предположить, что люди с консервативными установками будут чаще игнорировать вопросы защиты окружающей среды.

Однако есть основания полагать, что ситуация более сложная [Rootes, 2004]. Как показывают исследования, связь между консервативными убеждениями и поддержкой охраны природы сильно варьируется по странам и зависит от контекста [McCright, Dunlap, 2011a; Nawrotzki, 2012]. Наиболее сильная оппозиция консерваторов защите природы наблюдается в самых развитых странах, в то время как в менее развитых, в том числе посткоммунистических, странах консервато-

¹ Environmentalism // Britannica. 2025. March. URL: <https://www.britannica.com/topic/environmentalism> (дата обращения: 02.05.2025).

ры более склонны поддерживать природоохранные меры по сравнению с либералами. Консерватизм как идеология многогранен и содержит разные ценностные ориентации. Экономическая установка на поддержку свободы бизнеса отрицательно связана с проэкологическими установками и поведением, а такие установки социального консерватизма, как закон и порядок, традиционная мораль, — положительно [Nawrotzki, 2012].

Многочисленные эмпирические работы свидетельствуют, что консерватизм не противоречит охране окружающей среды. Консервативно настроенные граждане в разных странах совершенно не чужды идеям защиты природы, заботы о ней, практикам проэкологического поведения и экологическому активизму (например, [Fochtner, 2019; Kuzmina, 2023; Тулаева, Снарский 2022]. В литературе фиксируется заметное «правение» экологической повестки, в том числе по причине перехвата ее многочисленными правопопулистскими и консервативными силами [Beeson, 2019]. Так происходит и в России: местные консерваторы активно продвигают свое видение решения экологических проблем и экологической политики [Щербак, Зубарев, Семушкина, 2024]. Основной фокус смещается на решение локальных экологических проблем за счет ухода от обсуждения глобальной «зеленой повестки».

Исследования на российском материале показывают, что ряд проэкологических установок и некоторые виды проэкологического поведения также положительно связаны с определенными консервативными установками, хотя некоторые из них — предсказуемо отрицательно [Сауткина и др., 2022; Иванова, Агисова, Сауткина, 2020]. Несмотря на полученные результаты, все равно остается неясным, в какой степени можно говорить о наличии «консервативного» паттерна проэкологического участия, равно как и «консервативного» профиля эоактивизма в России. Этот вопрос остается недоизучен и особенно актуален с учетом как «консервативного поворота» в российской политике [Shcherbak, 2023; Мельвиль, 2017], так и восприятия консервативной идеологии как метарамки для анализа всего поля публичной политики в России [Bluhm, 2019]. Является ли эоактивизм консерваторов лишь имитацией экологического участия или нет?

Российский консерватизм неоднороден в том числе в отношении экологической проблематики — зеленой повестки, экологических установок, экологического поведения. Разным видам консерватизма соответствуют разные виды установок и поведения [Щербак и др., 2024]. Менее понятно, как уживаются консерватизм и экологический активизм на низовом уровне. Как разнообразие консервативной идеологии соотносится с экологическими установками? Кто такие консервативные эоактивисты? Соответственно, наш исследовательский вопрос мы формулируем так: каким образом проявляется консервативное проэкологическое поведение на низовом уровне в России?

Цель данной статьи — выявить разнообразие форм консервативного экологического сознания и поведения. Не отрицая разнообразие подходов к определению проэкологических установок и поведения вообще [Schultz, 2011] и в России в частности [Сауткина и др., 2022], мы понимаем их как *чувство личной ответственности за сохранение природы, эопотребление и экологическое участие*. Это позволит нам ответить на ряд вопросов: думают ли консерваторы о природе? заботятся ли они о природе? действуют ли в защиту природы? Мы ожидаем выявить профили кон-

сервативных эоактивистов, что серьезно расширит наши представления как о мотивации эоактивизма в России, так и о возможных направлениях его развития.

Для ответа на поставленные вопросы мы используем данные социологического опроса «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России», который был проведен в шести регионах весной — летом 2024 г. ($N = 1\,950$). Помимо вопросов про экологическое сознание, экологическое потребление и экологическое поведение опросник включал в себя вопросы о консервативных экологических установках, на основе которых мы выделяем различные эооонсервативные профили. Используя методы регрессионного анализа, мы проверяем, как консервативное отношение к природе связано с проэкологическими установками и поведением.

Структура работы выглядит следующим образом. Первая часть посвящена обзору литературы по проблеме консервативных установок и проэкологического поведения. Во второй части мы представляем наши данные и методы. В третьей части содержатся результаты анализа. Четвертая часть — заключение с общими выводами исследования.

Обзор литературы

Рассмотрим несколько групп исследований. Первая посвящена взаимосвязи партийно-идеологической принадлежности и проэкологических установок и поведения как за рубежом, так и в России. Вторая группа изучает воззрения российских охранителей на экологические проблемы. В конце раздела мы формулируем наши теоретические ожидания о связи консерватизма и проэкологических установок и поведения на низовом уровне в России.

Партийно-идеологическая принадлежность и проэкологическое участие. С самого начала изучения отношения людей к «зеленой повестке» исследователи стремились выяснить, какие индивидуальные характеристики определяют склонность к проэкологическим установкам и поведению. Полученные результаты свидетельствовали, что профиль «зеленого» активиста — это молодой возраст, женщина, более высокий уровень образования и доходов, преимущественно с «левыми» политическими взглядами [Beiser-McGrath, Huber, 2018]. Важно дополнить, что значение политических ориентаций и идеологических установок сильнее, чем социально-демографических характеристик [Hornsey et al., 2016]. Уже ранние исследования взаимосвязи политических предпочтений и отношения к «зеленой повестке» в зарубежных странах показали, что партийно-идеологическая принадлежность играет важную роль [Dunlap et al., 2001]. Если изначально было распространено мнение, что решение вопросов защиты окружающей среды базироваться на консенсусе всех политических сил (ведь загрязнение воздуха касается всех), то совсем скоро такие надежды исчезли. Какие бы шкалы для измерения условного «либерализма» и «консерватизма» ни использовались, результаты оказывались примерно схожими: «консерваторы» придавали заметно меньше значения экологической проблематике [Dunlap et al., 2001; McCright, Dunlap, 2011b].

Помимо консерватизма фактором меньшего интереса к «зеленой повестке» оказывается еще и правый популизм [Fochtner, 2019; Beeson, 2019]. Популистам свойственен высокий уровень климат-скептицизма, низкий уровень интереса к «зеленой

повестке» и низкий уровень экологического активизма. Исследования показывают отрицательную связь между поддержкой экологической повестки и различными индикаторов социального консерватизма [Nawrotzki, 2012; McCright, Dunlap, 2011a].

Возникает и иной вопрос: почему консерваторы отрицают энвайронментализм? Один ответ заключается в восприятии «зеленой повестки» как «проекта элит» [Huber, 2020]. Кроме того, вопрос глобального изменения климата может выглядеть как слишком абстрактный и сложный. Третий вариант предполагает, что вовлеченность в поддержку «зеленой повестки» требует смены убеждений, поведения, стиля жизни, тогда как консерваторы выступают за сохранение статус-кво. Иными словами, они не желают принимать новое. В универсальных ценностных системах консерватизм часто противопоставляется «открытости изменениям» (*openness to change*) [Schwartz et al., 2014]. В том числе он противостоит получению нового знания, что приводит к нежеланию усваивать новую информацию о состоянии окружающей среды, растущих экологических проблемах, препятствуя накоплению экологических знаний [Agissova, Ivanova, Sautkina, 2023].

Полученные результаты в определенной мере противоречивы. С одной стороны, они показывают довольно четкую связь между политической ориентацией и проэкологическими установками и поведением: более «либерально» настроенные люди показывают большую склонность к проэкологическому поведению, чем более «консервативные». С другой стороны, сама по себе выявленная дихотомия мало что говорит о проэкологических установках и поведении внутри «консерваторов». С учетом данных о росте внимания правых популистов к «зеленой повестке» во многих странах [Dickson, Hobolt, 2024] возникает вопрос как о разнообразии отношения к проблемам экологии внутри данного идеологического лагеря, так и о «профиле» консервативного экоактивиста.

Исследования экологических установок были проведены и в России, в том числе с фокусом на консервативные ценности. В недавно опубликованном метаобзоре 49 исследований проэкологического поведения в России были выявлены его основные детерминанты [Сауткина и др., 2022]. Под проэкологическим поведением понималось поведение, направленное на минимизацию вреда, причиненного окружающей среде, а также оказывающее на нее благоприятное воздействие. Его подвидами являются личное и социальное, управление бытовыми отходами, экопотребление, ресурсосбережение, пользование транспортом; при этом последние два вида можно отнести к «климатическому поведению» [там же: 174]. Среди основных детерминант оказались пол (женщины более склонны к проэкологическому поведению), возраст (смешанные результаты), образование (чем выше уровень, тем выше склонность к проэкологическому поведению), уровень дохода (смешанные результаты), социально-психологические и личностные переменные. Ценности самотрансцендентности (ориентация на благополучие и интересы других людей, а не приватные потребности индивида), самоутверждения и самостоятельности, индивидуалистическое избегание чувства стыда положительно ассоциировались с некоторыми видами проэкологического поведения, а внешняя мотивация, эгоистические ценности, гедонистические ценности — отрицательно ассоциировались с определенными видами проэкологического поведения [Сауткина и др., 2022]. Авторы также отметили, что «эгоистические ценности и политическая ценность тра-

диционной морали выступили предикторами экопокупок» [там же: 180]. Влияние традиционализма на проэкологическое поведение сильно зависит от контекста; положительная связь может усиливаться за счет привычки «традиционалистов» самим выращивать еду, которая воспринимается как «натуральная», «экологически чистая» и противопоставляется еде из супермаркетов. Такой подход будет близок многим пенсионерам-дачникам. Полученные результаты интересны с той точки зрения, что они указывают как на отрицательные, так и на положительные связи между консервативными установками и проэкологическим поведением. Значит, можно сделать осторожный вывод, что «консерваторы» интересуются вопросами охраны окружающей среды и готовы к определенным видам проэкологического поведения.

Мы хотим поставить вопрос несколько иначе: не с точки зрения ценностных детерминант проэкологического поведения и участия в России, а с точки зрения выявления социально-демографических профилей «экоконсерваторов» и альтернативных паттернов их экологического участия и поведения. Нас интересует не столько вопрос принятия или непринятия «зеленой повестки» условными «консерваторами», мы смотрим на данную проблему иначе. Есть ли у «консерваторов» иные экоустановки, что они понимают под экологическим участием? Есть ли альтернативные паттерны проэкологического поведения, основанные на таких представлениях? Мы предлагаем не сравнивать условных «либералов» и «консерваторов» между собой, а сфокусироваться именно на последних.

Взгляды отечественных консерваторов на экологию. В какой степени экологические установки консерваторов на низовом уровне могут отражать существующий в обществе консервативный дискурс по экологической проблематике? Отечественные охранители уже давно вовлечены в обсуждение экологических проблем и поиска своего варианта «зеленой повестки» (см. обзор [Щербак и др., 2024]). Забота об окружающей среде перестала быть нишевой темой «зеленых» движений. Как только стало очевидно, что вопросы экологии превратились в один из ключевых пунктов не только глобальной, но и внутренней политической повестки, консерваторы, правые популисты во многих обществах стали вовлекаться в их обсуждение. К слову, охранительное течение присутствовало в экологическом движении еще во время перестройки, когда поводом массовой мобилизации стала катастрофа на Чернобыльской АЭС. Консервативная «зеленая повестка» давно разрабатывается в зарубежной литературе. В оборот исследователей вошли такие термины, как «энвайронменталистский популизм» [Beeson, 2019], «экофашизм» [Taylor, 2019], «эконационализм» [Dawson, 1996], «ресурсный национализм» [Kohl, Farthing, 2012; Тулаева, Снарский, 2022]². Отмечается, что воззрения консервато-

² «Энвайронменталистский популизм» можно определить как использование дискурса об окружающей среде политиками-популистами, так и как популистские подходы к риторике со стороны организаций и индивидов, работающих в сфере окружающей среды [Buzogány, Mohamad-Klotzbach, 2021]. «Экофашизм» не имеет общепринятой концептуализации. Одни определяют его как «культурное воображение, выражающее себя через культурные артефакты и символические жесты земного политического насилия» [Bryant, Farrel, 2024: 276], а другие — как «последовательную революционную идеологию, способствующую возрождению воображаемого сообщества путем возвращения к романтизированному, этноплюралистическому видению природного порядка» [Bryant, Farrel, 2024: 276]. Эконационализм как идеология «легитимизирует социальное воображение, которое приоритизирует права граждан страны на экологические, сельскохозяйственные, энергетические и природоохранные блага» [Aronczyk 2023: 26—27]. Ресурсный национализм смотрит на формирование национальной идентичности через перспективу «потребления природных ресурсов и освоения природных территорий» [Тулаева, Снарский, 2022: 7].

ров на экологию неоднородны в силу разнообразия самой консервативной мысли. Применительно к вопросам охраны окружающей среды можно выделить два течения: либертарианцы (сторонники свободного рынка) и традиционалисты. Первые считают, что защита природы должна основываться на принципах свободного рынка с минимальным государственным вмешательством. Традиционалисты же отвергают материальное и ставят во главу угла духовность; для них важнее сохранение природы, а не экономический рост. Исходя из этого они подчеркивают преемственность поколений, для которой главная задача — сберечь природное наследие и передать его потомкам [Bliese, 1997; Nawrotzki, 2012].

Российский консервативный дискурс также неоднороден. В нем часто выделяются два течения: «государственно-охранительное» и «национал-консервативное» [Агеева, 2017; Работяжев, 2009]. Первое течение превозносит роль сильного государства, указывает на историческую преемственность между Российской империей, СССР и современной Россией и видит решение многих проблем в укреплении государства во всех сферах. Часто этот консерватизм называют «красным», так как он представляет себя продолжателем советской традиции. Другое течение — «национал-консервативное» — подчеркивает особую роль русского народа, его уникальной культуры, истории, а государство рассматривает как проводник и защитник его интересов. Этот консерватизм иногда называется «белым». Отчасти это отражает интерес к досоветской традиции, ее символам и институтам, например православию, монархии, национальному возрождению. Изучение экологического дискурса отечественных консерваторов выявило ряд сходств и различий между «белыми» и «красными». К сходствам можно отнести роль государства в решении экологических проблем, негативное отношение к «либералам-западникам» (чьи реформы и привели к множеству экологических кризисов), необходимость возрождения духовности ради спасения природы и негативное отношение к эколо-активистам. Среди различий стоит выделить отношение к природе и к урбанизации. Если «красные» консерваторы рассматривают природу как источник ресурсов для возрождения промышленности, экономики и величия государства, то для «белых» консерваторов сохранение русской природы — это самоцель. Ровно так же если для «красных» консерваторов развитие больших, мощных городов связано с подъемом государства, то для «белых» это угроза деревне, которая, по их мнению, является хранителем традиций, духовности, истинной культуры [Щербак и др., 2024].

На основании ранее выявленного разделения на «красных» и «белых» консерваторов мы предполагаем наличие и двух схожих типов на низовом уровне, условно «традиционалистов» (почвенников) и «государственников». Первые подчеркивают важность духовности, возрождения села как прочной связи человека и природы, патриотизма. Вторые склонны считать, что только государство, но никак не бизнес или НКО, способно решить экологические проблемы. Далее мы будем называть их эконо-консерваторами, понимая под ними индивидов, которые придерживаются «консервативных» воззрений на ряд экологических проблем. Важно отметить, что «консерватизм» не тождественен отрицанию значимости экологической повестки, а является скорее ее альтернативным пониманием. В фокусе нашего внимания — три элемента проявления энвайронментализма.

Во-первых, это *чувство личной ответственности за природу*. Литература про «энвайронменталистский популизм» говорит, что граждане, склонные к популизму и консерватизму, в большей степени озадачены локальными, а не глобальными проблемами [Fochtner, 2019]. Мы хотим проверить, так ли это. Переживают ли «почвенники» только о родной почве или их волнуют и более глобальные проблемы?

Во-вторых, это *экопотребление*. Думать об экологии — это одно, но принимать тот или иной вид проэкологического поведения — уже другое. Быть «зеленым» может быть довольно затратно, часто в исследованиях вопросы про отношение к экологии формулируются как «готовы ли Вы платить за...?» [Inglehart, 1995; Nawrotzki, 2012]. Как «консерваторы» описывают свое экопотребление?

В-третьих, это *экологическое участие*. Переживать за природу, быть «зеленым» на личном уровне — конечно, замечательно, но готовы ли эконоконсерваторы к совместным действиям по охране природы? Какие виды экологического участия они предпочитают? С одной стороны, это может быть протест против решений властей. С другой стороны, консерватизм же предполагает лояльность власти, подчинение иерархии, уважение авторитетов [Jost et al., 2003]. Есть немало свидетельств, что экологические протесты последних лет фреймировались в традиционалистском, консервативном ключе [Туровец, 2014].

По результатам нашего анализа мы ожидаем выявить несколько профилей эконоконсерваторов с различными паттернами проэкологического поведения (включает чувство личной ответственности, экопотребление и экоучастие). Мы формируем следующие гипотезы:

H₁: существует более чем один эконоконсервативный профиль;

H₂: эконоконсерватизм (как минимум один профиль) положительно связан с чувством личной ответственности за природу;

H₃: эконоконсерватизм (как минимум один профиль) положительно связан экопотреблением;

H₄: эконоконсерватизм (как минимум один профиль) положительно связан с экологическим участием.

Данные и методы

Для ответа на поставленные вопросы мы используем данные социологического опроса «Экологические ценности и экологическое поведение в регионах России», который был проведен по нашему заказу исследовательской организацией ЦЕССИ в рамках данного проекта. География опроса — шесть регионов России (Свердловская, Костромская области, Красноярский и Забайкальский края, Республика Чувашия и Москва). Эти регионы представляют собой значительную долю федеральных округов (исключениями стали Северо-Западный, Южный и Северо-Кавказский федеральные округа), разные типы субъектов федерации (области, края, республика, город федерального значения), с разным экономическим весом и разным характером экологических проблем (условно более «грязные» и более «чистые»).

Метод опроса — телефонные интервью с использованием автоматизированной системы дозвона и организации данных (CATI). Выборка — 300 человек на каждый регион, в Москве — 450 человек; в итоге — 1 950 респондентов. Выборка

строилась независимо для каждого региона по единой случайной вероятностной модели на основе случайной генерации телефонов, генеральная совокупность — все население старше 18 лет. Опрос проводился в мае — июле 2024 г.

Опросник преимущественно содержал вопросы про отношение респондентов к экологическим проблемам: важность различных экологических проблем, личную ответственность за возникновение экологических проблем, отношение к экологии и природе, паттерны проэкологического поведения и его мотивы, экологическое участие и его мотивы и др. Дополнительно в опросник были включены вопросы про ценности, политическое участие, региональную идентичность, доверие, счастье, а также социально-демографические контролли.

Важнейшая для нас переменная — «экологический консерватизм» — отражает разнообразие взглядов консерваторов на решение экологических проблем в российском контексте, отчасти полученное из литературы и консервативной публицистики [Щербак и др., 2024]. Предложенные утверждения включают связь природы с духовностью, жизнью на селе, патриотизмом, равно как и маркируют отношение к «либеральным» реформам, государству, крупному бизнесу, международным организациям. Этот вопрос был сформулирован следующим образом: «Послушайте еще несколько утверждений и скажите мне по каждому — Вы с ним полностью согласны; скорее согласны, чем нет; скорее не согласны или совершенно не согласны?» (1 — полностью согласен, 4 — совершенно не согласен). Переменная была перекодирована в обратном порядке:

А) если возродится духовность, то и природа будет спасена;

Б) существующие экологические проблемы в стране — порождение либеральных экономических реформ;

В) эоактивисты — марионетки крупного бизнеса;

Г) причина усугубления экологических проблем — чрезмерный рост городов;

Д) за сохранением села — сохранение природы России;

Е) экология — арена геополитической борьбы между странами;

Ж) только государство может решать экологические проблемы;

З) защищать природу — значит защищать Родину.

Далее мы провели анализ главных компонент (с ротацией Варимакс), чтобы проверить, извлекаются ли факторы (то есть разные виды консерватизма) из данного вопроса.

Анализ показал наличие двух факторов эоконсерватизма (см. табл. 1). Фактор 1 делает акцент на духовность, возрождение села, воинственность (патриотизм) в деле защиты природы, отрицание города и рыночных реформ. Решение экологических проблем предполагается в близости к природе, почве. Мы называем данный фактор «экотрадиционализмом».

Фактор 2 делает акцент на роли государства, отрицании роли крупного бизнеса и неверии в экологическое движение. Решение экологических проблем должно быть отдано на откуп государству, но не бизнесу или НКО. Название данного фактора — «экодирижизм».

Также было обнаружено, что пропущенные значения по полученным переменным составляют порядка 25,9 %. При этом они равномерно распределены между регионами. Респонденты, ответы которых неизвестны, старше (51,5 в сравнении

с 47,5), имеют несколько более низкий уровень образования (3,20 в сравнении с 3,36), чаще доверяют государственным институтам, но не доверяют незнакомым людям. Пропущенные значения для обеих переменных было решено возместить на основе средних значений по наблюдениям, которые присутствовали в выборке.

Таблица 1. **Виды эконоконсерватизма (анализ главных компонент)**

Переменные	Фактор 1	Фактор 2
Если возродится духовность, то и природа будет спасена	,743	,114
Существующие экологические проблемы в стране — порождение либеральных экономических реформ	,561	,442
Экоактивисты — марионетки крупного бизнеса	,016	,758
Причина усугубления экологических проблем — чрезмерный рост городов	,565	,014
За сохранением села — сохранение природы России	,744	,123
Экология — арена геополитической борьбы между странами	,310	,672
Только государство может решать экологические проблемы	,056	,629
Защищать природу — значит защищать Родину	,632	,137
% объясненной вариации	28 %	20,8 %

Примечание. Метод ротации — Варимакс, с нормализацией Кайзера.

Мы сохранили факторные нагрузки как регрессионные коэффициенты для каждого респондента. Полученные переменные — «экотрадиционализм» и «экодирижизм» — мы используем как независимые переменные для измерения разных видов эконоконсерватизма. Отметим, что в определенной степени такое разделение видов эконоконсерватизма соотносится с уже упомянутым делением на «красный» и «белый» консерватизм, что для нас является дополнительной валидизацией полученных результатов.

В качестве зависимых переменных мы берем вопросы про а) чувство личной ответственности за возникновение экологических проблем, б) экопотребление и в) экологическое участие.

«Чувство личной ответственности» включает в себя перечисление ряда экологических проблем, причем как локального характера, так и глобального³.

³ «Если говорить о Вас лично, в какой мере Вы чувствуете личную ответственность за возникновение экологических проблем, которые я буду называть?» (1 — не чувствую никакой ответственности; 2 — скорее не чувствую; 3 — скорее чувствую; 4 — определенно чувствую; 5 — чувствую максимальную ответственность):

А) глобальное изменение климата,

Б) загрязнение воздуха, земель, воды,

В) сокращение биоразнообразия,

Г) лесные пожары,

Д) озоновые дыры,

Е) рост выброса парниковых газов,

Ж) утилизация мусора,

З) затопление территорий,

И) вырубка лесов,

К) захоронение химических, ядерных отходов,

Л) жилая, промышленная застройка природных территорий, заповедников.

Переменная «экопотребление» включает в себя различные аспекты индивидуального проэкологического поведения — ресурсосбережение, переработку мусора/отходов, ответственное потребление и др.⁴

Переменная «экологическое участие» включает стандартный репертуар действий политического участия с указанием «на защиту окружающей среды»⁵.

Также мы включили социально-демографические контрольные переменные — возраст (количество лет), пол (1 — М, 2 — Ж), образование (1 — начальное или меньше, 2 — законченное среднее, 3 — среднее специальное или профессиональное, 4 — высшее или научная степень), субъективный доход (1 — очень трудно жить на такой доход, 2 — довольно трудно, 3 — этого дохода Вам в принципе хватает, 4 — живете на этот доход, не испытывая материальных затруднений), религиозность (1 — религиозный, 2 — нерелигиозный, 3 — атеист), субъективное благополучие (среднее между нормализованными ответами — шкала от 0 до 1 — про счастье и удовлетворенность жизнью). Кроме этого мы добавили такие переменные, как генерализованное доверие («Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?»: 1 — Большинству можно доверять, 2 — Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми; применена обратная кодировка) и институциональное доверие («Насколько Вы доверяете каждому из институтов, которые я сейчас назову: а) Правительство России б) политические партии, в) Государственная Дума, г) президент России, д) выборы: 1 — полностью доверяю, 4 — совсем не доверяю; была использована обратная кодировка, затем все переменные были сведены в аддитивный индекс).

Результаты анализа

Свой анализ мы разделили на несколько этапов. Сначала мы проводим корреляционный анализ между выявленными видами (факторами) эконоконсерватизма и рядом переменных, измеряющих различные аспекты проэкологического поведения. Далее для проверки выдвинутых гипотез проводим серию регрессий с указанными выше зависимыми переменными.

⁴ «Как часто за прошедшие 12 месяцев Вы делали то, что я буду называть, — всегда, часто, иногда, редко или никогда?» (1 — всегда, 2 — часто, 3 — иногда, 4 — редко, 5 — никогда). Для последующего анализа переменная была перекодирована в обратном порядке (1 — никогда, 5 — всегда):

А) искали способы повторного использования вещей,

Б) сортировали мусор,

В) отказывались от использования пластиковой посуды или пакетов,

Г) экономили бензин, электричество или отопление,

Д) лично делали что-то полезное для природы,

Е) ездили на велосипеде или общественном транспорте вместо поездки на автомобиле,

Ж) сами выращивали экологически чистые продукты.

⁵ «Сейчас я буду называть Вам действия, направленные на защиту окружающей среды, а Вы скажите мне по каждому, участвовали Вы в этом за последние два года или нет?» (1 — да, 2 — нет). Была применена обратная кодировка (0 — нет, 1 — да):

А) участвовали в благоустройстве района или города, где Вы живете,

Б) участвовали в подписании петиций, коллективных писем, в том числе в интернете,

В) участвовали в согласованных акциях протеста, пикетах, демонстрациях,

Г) участвовали в несогласованных акциях протеста,

Д) делали посты и репосты в интернете,

Е) делали материальные пожертвования на экологические акции,

Ж) работали волонтером,

З) подписывались на информационную рассылку.

Результаты, представленные в таблице 2, указывают на два немаловажных аспекта. Во-первых, профили эконоконсерваторов заметно различаются: «экотрадиционалисты» на все вопросы о важности проблем отвечают положительно, в то время как «экодирижисты» одни вопросы считают важными, другие — неважными, а к третьим равнодушны (нет статистически значимой связи). Во-вторых, мы видим, что для «экотрадиционалистов» одинаково важны и локальные, и глобальные проблемы, в то время как для «экодирижистов» они либо не важны, либо связь отсутствует.

Таблица 2. **Корреляции между типами эконоконсерватизма и «важностью экологических проблем»**

Насколько важна для вас проблема:	Ф1 («экотрадиционализм»)	Ф2 («экодирижизм»)
Глобальное изменение климата	,251**	–,069**
Загрязнение воздуха, земель, воды	,152**	–,053*
Сокращение биоразнообразия	,178**	,012
Лесные пожары	,216**	,063*
Озоновые дыры	,209**	–,091**
Рост выброса парниковых газов	,184**	–,096**
Утилизация мусора	,145**	,000
Затопление территорий	,219**	,011
Вырубка лесов	,236**	,072**
Захоронение химических, ядерных отходов	,148**	–,033
Жилая, промышленная застройка природных территорий, заповедников	,194**	–,023

Примечание. Корреляция Спирмена. * — 0,05 значимость (двусторонняя), ** — 0,01 значимость (двусторонняя). Серым фоном выделены условно глобальные экологические проблемы.

Корреляция типов эконоконсерватизма и показателей личной ответственности (см. табл. 3) показывает схожую картину. Для «экотрадиционалистов» характерно чувство личной ответственности за все экологические проблемы. «Экодирижисты» чувствуют ответственность за сокращение биоразнообразия и захоронение химических ядерных отходов, а также явно не чувствуют ответственности за рост выброса парниковых газов. По всем другим проблемам значимой связи нет.

Корреляции между типами эконоконсерватизма и видами экопотребления показывают, что опять «экотрадиционалисты» оказываются более вовлеченными (см. табл. 4). У них больше значимых положительных связей: они признавались в экономии топлива, поездках на велосипеде или общественном транспорте, выращивании экологически чистых продуктов, в том, что делали что-то полезное для природы. При этом у них нет ни одного значимого отрицательного значения по другим видам экопотребления. «Экодирижисты» отвечали, что они ездили на велосипеде, также маргинально положительно значима связь с «лично делали что-то полезное для природы». В случае способов повторного использования вещей, отказа от использования пластиковой посуды и пакетов, выращивания экологически

чистых продуктов у «экодирижистов» была обнаружена отрицательная значимая связь: они отказываются от таких видов экопотребления.

Таблица 3. Корреляции между типами эконосерватизма и «личной ответственностью за экологические проблемы»

В какой мере Вы чувствуете личную ответственность за:	Ф1 («экотрадиционализм»)	Ф2 («экодирижизм»)
Глобальное изменение климата	,215**	–,014
Загрязнение воздуха, земель, воды	,197**	–,023
Сокращение биоразнообразия	,244**	,052*
Лесные пожары	,222**	,033
Озоновые дыры	,150**	–,032
Рост выброса парниковых газов	,130**	–,052*
Утилизация мусора	,118**	–,043 ⁺
Затопление территорий	,210**	,036
Вырубка лесов	,213**	,027
Захоронение химических, ядерных отходов	,202**	,064**
Жилая, промышленная застройка природных территорий, заповедников	,191**	,031

Примечание. Корреляция Спирмена. ⁺ — 0,1 значимость (двусторонняя), * — 0,05 значимость (двусторонняя), ** — 0,01 значимость (двусторонняя).

Таблица 4. Корреляции между типами эконосерватизма и экопотреблением

Как часто за прошедшие 12 месяцев Вы:	Ф1 («экотрадиционализм»)	Ф2 («экодирижизм»)
Искали способы повторного использования вещей	–,022	–,058**
Сортировали мусор	,027	–,035
Отказывались от использования пластиковой посуды или пакетов	–,016	–,085**
Экономили бензин, электричество или отопление	,084**	,005
Лично делали что-то полезное для природы	,172**	,039 ⁺
Ездили на велосипеде или общественном транспорте вместо поездки на автомобиле	,204**	,096**
Сами выращивали экологически чистые продукты	,140**	–,061**

Примечание. Корреляция Спирмена. ⁺ — 0,1 значимость (двусторонняя) * — 0,05 значимость (двусторонняя), ** — 0,01 значимость (двусторонняя).

Анализ значимости экологического участия (см. табл. 5) показывает, что только «экотрадиционалисты» положительно отвечают на вопросы о некоторых видах экологического участия (благоустройство и материальные пожертвования), к некоторым видам они относятся отрицательно (подписка на информационную рассылку). «Экодирижисты» либо отрицательно относятся к некоторым видам (под-

писание петиций, посты и репосты в интернете, пожертвования, волонтерство, информационная рассылка), либо значимая связь отсутствует.

Таблица 5. **Корреляции между типами эконоконсерватизма и экологическим участием**

Приходилось ли Вам за последние два года:	Ф1 («экотрадиционализм»)	Ф2 («экодирижизм»)
Участвовать в благоустройстве района или города, где Вы живете	,082**	,031
Подписывать петиции, коллективные письма, в том числе в интернете	–,007	–,078**
Участвовать в согласованных акциях протеста, пикетах, демонстрациях	,033	,018
Участвовать в несогласованных акциях протеста	,000	,033
Делать посты и репосты в интернете	,028	–,091**
Делать материальные пожертвования на экологические акции	,062**	–,059**
Работать волонтером	,039+	–,090**
Подписываться на информационную рассылку	–,076**	–,110**

Примечание. Корреляция Спирмена. + — 0,1 значимость (двусторонняя), * — 0,05 значимость (двусторонняя), ** — 0,01 значимость (двусторонняя).

Корреляционный анализ показывает, что два вида эконоконсерваторов довольно заметно различаются между собой в своем проэкологическом поведении. «Экотрадиционалисты» более активны, чем «экодирижисты». Важно отметить, это этот вид эконоконсерватизма положительно связан с проэкологическим поведением.

Далее с помощью регрессионного анализа мы проверяем наши гипотезы о наличии связи между разными типами эконоконсерватизма и видами проэкологического поведения.

На основе переменных «чувство личной ответственности», «экопотребление» и «экологическое участие» мы строим аддитивные индексы (сумма всех ответов согласно оригинальным шкалам), которые используем как зависимые переменные. Список используемых переменных приведен в таблице 6.

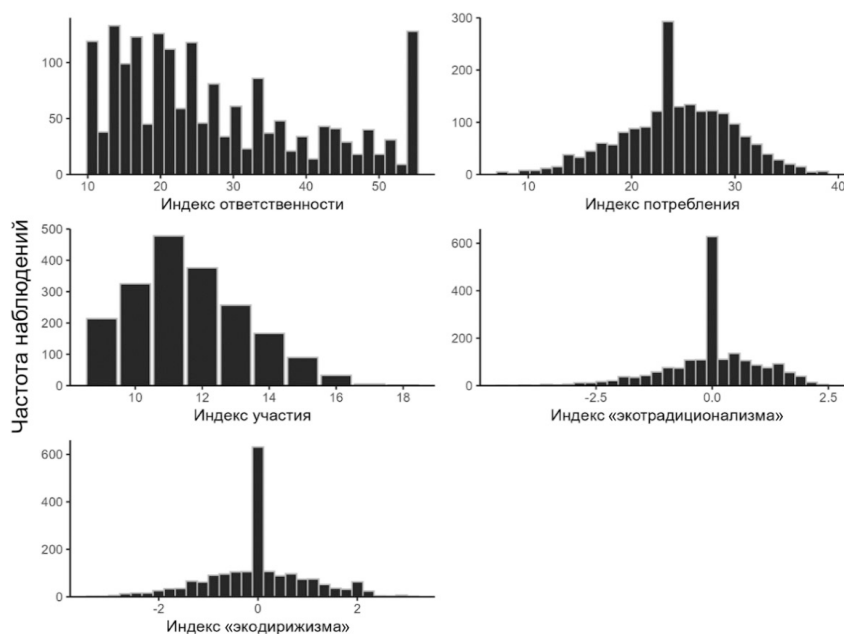
Таблица 6. **Описательные статистики по используемым переменным**

Переменная	N	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Индекс потребления	1922	24,376	5,456	25,000	8,000	39,000
Индекс участия	1947	11,620	1,739	11,000	9,000	18,000
Индекс личной ответственности	1814	27,750	13,263	24,000	11,000	55,000
Консерватизм 1 («экотрадиционализм»)	1972	0,000	0,860	0,000	–3,822	2,107
Консерватизм 2 («экодирижизм»)	1972	0,000	0,860	0,000	–2,801	2,748

Переменная	N	Среднее	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
Возраст	1972	48,543	16,810	47,000	18,000	93,000
Образование	1966	3,317	0,754	3,000	1,000	4,000
Доход	1915	2,495	0,860	3,000	1,000	4,000
Генерализованное доверие	1918	0,31	0,46	0	0	1
Религиозность	1895	0,55	0,50	1	0	1
Индекс институционального доверия	1825	10,484	3,453	12,000	4,000	16,000
Субъективное благополучие	1922	0,699	0,188	0,708	0,000	1,000
Оценка мэра/губернатора	1 757	2,773	0,764	3,000	1,000	4,000

Рисунок 1 отображает распределения значений зависимых переменных, включенных в регрессионный анализ ниже, а также двух индексов консерватизма, которые мы рассматриваем в качестве ключевых предикторов. Как можно заметить, форма распределения у всех них отличается от ожидаемого при нормальном распределении «колокола». Однако такое распределение не критично для оценки линейной регрессии, для которой ключевым допущением в отношении зависимых переменных является их измерение на интервальной (или близкой к интервальной) шкале. Именно такая шкала использована для оценки экологических установок и поведения среди россиян.

Рис. 1. Распределения ключевых зависимых и независимых переменных

Далее мы делаем регрессионный анализ (см. табл. 7). Во всех моделях, представленных ниже, мы оценивали параметры с помощью взвешенного метода наименьших квадратов со стандартными ошибками, кластеризованными на уровне регионов. Взвешивание данных было использовано для того, чтобы скорректировать расхождения по размеру выборки между регионами.

Таблица 7. **Регрессионный анализ влияния экоконсерватизма на проэкологические установки и поведение**

	Модель 1 ЗП — Чувство личной ответственности	Модель 2 ЗП — Экопотребление	Модель 3 ЗП — Экологическое участие
(Intercept)	26,89***	24,28***	11,40**
Пол: Женщины	0,61	1,44*	0,40**
«Экотрадиционализм»	2,83**	0,83**	0,18*
«Экодирижизм»	−0,01	−0,08	−0,05
Возраст	0,71	−0,16	−0,43***
Религиозность: религиозный(-ая)	1,31	0,41	0,06
Образование	−0,90	0,33	0,15+
Доход (субъективный)	−1,65*	−0,45*	−0,00
Субъективное благополучие	1,61**	0,70*	0,10+
Генерализованное доверие: нужно быть осторожным	0,21	−1,19**	−0,21*
Институциональное доверие	1,71**	−0,08	−0,07*
N	1547	1621	1647
Скорректированный R ²	0,13	0,09	0,09

Примечание. *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$. Во всех моделях коэффициенты были стандартизованы.

Все результаты показывают, что фактор «экотрадиционализма» оказывается положительно значимым, а фактор «экодирижизма» — незначимым (только в модели 2 он маргинально значим на уровне 0,1, с отрицательным знаком). Мы интерпретируем эти результаты как наличие положительной связи между консервативными установками и проэкологическим поведением. Консерваторы-«традиционалисты» переживают за природу, придерживаются некоторых видов проэкологического поведения.

Пол незначим для чувства личной ответственности, но в случае проэкологического поведения женщины более склонны к экопотреблению и экологическому участию. **Возраст** показывает разные эффекты: для чувства личной ответственности значим более старший возраст, а для экологического участия — более молодой; для экопотребления возраст незначим. Разнонаправленность характерна и для **образования**: чувству личной ответственности свойственен более низкий

уровень образования, экологическому участию — высокий; для экопотребления образование незначимо. **Религиозность**, по сути, незначима ни в одной модели; только для чувства личной ответственности она маргинально положительно значима. Проэкологические установки и поведение ассоциируются с более низким субъективным **доходом** во всех моделях, хотя в случае экологического участия эффект дохода незначим. Во всех моделях положительно значим эффект **субъективного благополучия**; о природе думают и заботятся довольные люди. Переменная **«генерализованное доверие»** значимо и отрицательно связана с экопотреблением и экологическим участием; с чувством личной ответственности — положительно, но не значимо. **Институциональное доверие** положительно значимо только для чувства личной ответственности, для других видов проэкологического поведения значимость пропадает с изменением знака.

Анализ также показывает, что немного разные социально-демографические профили наблюдаются при переходе от чувства личной ответственности к экологическому участию. Для чувства личной ответственности нет разницы в поле, характерны более старший возраст, низкое образование, низкие доходы, более высокое институциональное доверие. Для экопотребления и экологического участия это женщины, люди с более высоким образованием, но более низкими доходами и более низким генерализованным доверием.

В целом мы видим подтверждение наших гипотез. Во-первых, можно выделить два вида эконоконсерватизма, которые различаются отношением к решению экологических проблем: «экотрадиционализм» и «экодирижизм». Если «экодирижизм», как правило, ассоциируется либо с равнодушным, либо с отрицательным отношением к экологическим проблемам, то «экотрадиционализм» *положительно* ассоциируется с экологическими установками и проэкологическим поведением. Хотя доля объясненной вариации (R-квадрат) во всех моделях невысока — от 9 % до 11 %, для моделей с данными индивидуального уровня это не столь критично. Наш основной тезис получает подтверждение: как минимум один из видов эконоконсерватизма положительно связан с проэкологическим сознанием и поведением.

В анкете было несколько открытых вопросов, один из которых позволил респондентам назвать свои формы экологического участия. Примечательно, что мы получили довольно много (несколько сотен) ответов, но большинство из них однотипны. Самый популярный ответ — «участие в субботнике», за ним следуют «высадка деревьев», «уборка мусора»; буквально считанные ответы про сортировку различного вторсырья и тушение лесных пожаров. На наш взгляд, это довольно показательно: экотрадиционализму могут соответствовать «традиционные» виды участия, такие как субботники, уборка мусора и высадка деревьев. Это также требует от граждан затрат времени, средств, координации совместных действий. В то же время это явно социально и политически одобряемые практики, в какой-то степени восходящие к советским, являющиеся, таким образом, частью «традиции». Нет сомнений, что этот паттерн проэкологического поведения помогает делу охраны природы, вопрос в том, какие экологические проблемы он позволяет решить. Это отчасти уже уровень коллективных действий, создания экологических движений/организаций и влияния на экологическую политику; в рамках данной статьи мы ограничили себя индивидуальным уровнем поведения.

Заключение

Мы попытались продемонстрировать, что понимание и объяснение индивидуального уровня заботы о природе не ограничивается размежеванием между условными «либералами» и «консерваторами». Не только россияне с постматериалистическими установками переживают за природу и готовы менять свое поведение ради ее сохранения. Представители консерватизма также готовы к действиям ради защиты природы. Мы их обозначили как эконосерваторов и выявили среди них как минимум две группы — «экотрадиционалистов» и «экодирижистов». Первые видят путь к сохранению природы через более тесную связь с «почвой» (духовность, возрождение села, патриотизм, отрицание города и рыночных реформ), вторые — через «сильное государство». Наши результаты показали, что если «экодирижисты» ведут себя чаще в соответствии с концепцией постматериализма (отношение к экологическим проблемам либо отрицательное, либо равнодушное), то «экотрадиционалисты», наоборот, показывают высокий уровень вовлеченности в решение экологических проблем как на уровне установок, так и на уровне поведения. Почвенникам есть дело до состояния почвы.

Результаты анализа позволяют осторожно обрисовать профиль «экотрадиционалиста», активно вовлеченного в дело охраны природы. Как правило, это женщина, с высоким образованием, низкими доходами, высоким уровнем субъективного благополучия, низким уровнем доверия властям. Насколько такой тип отличается от наших ожиданий? В литературе отмечалось, что в низовой экомобилизации женщины играют порой более важную роль, так как часто они сильнее вовлечены в дела местных сообществ. Кроме того, этот факт может отражать уверенность в возможности на что-то повлиять на местном уровне, в отличие от более «сложного» уровня региональной или национальной политики. Барьер участия на уровне местного сообщества заметно ниже [Rootes, 2004].

Наше исследование также позволяет продолжить дискуссию о «консервативном повороте» в России [Shcherbak, 2023; Мельвиль, 2017] и его экологическом измерении. Вопрос в том, насколько консервативный дискурс, ведущийся на уровне политических элит и СМИ, смог «просочиться» на массовый уровень. Ранее уже отмечалось, что низовая экологическая мобилизация часто происходила с использованием консервативных, традиционалистских фреймов [Тулаева, Снарский, 2022; Туровец, 2014; Kuzmina, 2023], однако эти работы фокусировались на шоковых событиях — экологических протестах. Наличие консервативного дискурса могло быть оправдано тем, что протестующие были с ним знакомы из официальных СМИ, поэтому его и ретранслировали. Но устойчив ли он в «спокойной фазе», вне протестов? Наши выводы говорят — довольно устойчив; эконосерваторы выражают как минимум один из преобладающих консервативных дискурсов (традиционализм). Рано говорить, что охранители транслируют свою повестку в массы, вполне возможно, что они рефлексировали устоявшиеся экологические практики населения.

У нашего исследования есть ограничения, связанные как с выборкой, так и с полнотой полученных ответов. Предложенная шкала измерения эконосерватизма требует дальнейшей апробации и более глубокого теоретического обоснования. Хотя мы отбирали шесть регионов для исследования таким образом, чтобы они максимально полно отражали как географию, так и разнообразие экологиче-

ских проблем, полученные результаты не стоит экстраполировать на всю страну. К тому же в дальнейшем они требуют подтверждения исследованием на основе качественных методов. Характер нашего исследования носит во многом разведочный характер, без установления причинно-следственных связей между изучаемыми установками. Тем не менее мы считаем, что внесли важный вклад как в изучение детерминант проэкологического поведения в России, так и в понимание многообразия паттернов подобного поведения. «Консервативное» общество не отказывается решать многие проблемы, оно по-своему подходит к их решению.

Список литературы (References)

1. Агеева В. Д. Между популистами и консерваторами // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 2. С. 142—152.
Ageeva V. D. (2017) Between Populists and Conservatives. *Russia in Global Affairs*. Vol. 15. No. 2. P. 142—152. (In Russ.)
2. Иванова А., Агисова Ф., Сауткина Е. Проэкологическое поведение в России: адаптация шкалы Кэмерона Брика и связь с экологической обеспокоенностью // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70. <https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199>.
Ivanova A., Agisova F., Sautkina E. (2020) Pro-Environmental Behavior in Russia: Adaptation of the Cameron Brick Scale and Connection with Environmental Concerns. *Psychological Research*. Vol. 13. No. 70. <https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.199>. (In Russ.)
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство. 2011.
Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. (In Russ.)
4. Мельвиль А. Ю. Неоконсервативный консенсус в России? Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии // Полития. 2017. № 1. С. 29—45. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-84-1-29-47>.
Melvil A. Y. (2017) The Neoconservative Consensus in Russia? Main Components, Sustainability Factors, Erosion Potential. *Politeia*. No. 1. P. 29—45. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-84-1-29-47>. (In Russ.)
5. Работяжев Н. В. Консервативная геополитическая мысль в России: преемственность и обновление // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 5. С. 74—94.
Rabotyazhev N. V. (2009) Conservative Geopolitical Thought in Russia: Continuity and Renewal. *Moscow State University Bulletin. Series 12. Political Science*. No. 5. P. 74—94. (In Russ.)
6. Сауткина Е. В., Агисова Ф. Б., Иванова А. А., Иванде К. С., Кабанова В. С. Проэкологическое поведение в России. Систематический обзор исследований // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 172—193. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213>.

- Sautkina E. V., Agisova F. B., Ivanova A. A., Ivande K. S., Kabanova V. S. (2022) Environmental Behavior in Russia. A Systematic Review of Research. *Experimental Psychology*. Vol. 15. No. 2. P. 172—193. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213>. (In Russ.)
7. Смигельски А., Соколов Б. О., Немировская А. В. Экологические установки и эмансипативные ценности: анализ данных Европейского исследования ценностей // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 283—310. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-283-310>.
 Smigelsky A., Sokolov B. O., Nemirovskaya A. V. (2024) Environmental Attitudes and Emancipative Values: Analysis of Data from the European Values Survey. *Sociological Review*. Vol. 23. No. 2. P. 283—310. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-2-283-310>. (In Russ.)
 8. Тулаева С. А., Снарский Я. А. Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2022. № 3. С. 4—33. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33>.
 Tulaeva S. A., Snarskiy Y. A. (2022) Green Nationalism in a Resource-Based State: Environmental Agenda and National Identity in Russian Regions. *Laboratorium: Journal of Social Research*. No. 3. P. 4—33. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33>. (In Russ.)
 9. Туровец М. 2014. Противостояние деполитизации: движение против добычи никеля в Воронежской области // Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011—2013 годов / отв. ред. Ерпылева С., Магун А. М.: НЛО. С. 351—385.
 Turovets M. 2014. Opposition to Depoliticization: The Movement Against Nickel Mining in the Voronezh Region. In: Erpyleva S., Magun A. (ed.) *Politics of the Apolitical: Civil Movements in Russia 2011—2013*. Moscow: New Literary Observer. P. 351—385. (In Russ.)
 10. Щербак А. Н., Зубарев Н. С., Семушкина Е. С. «Зеленые» охранители: взгляды российских консерваторов на решение экологических проблем // Мир России. 2024. Т. 33. № 1. С. 84—114. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114>.
 Scherbak A. N., Zubarev N. S., Semushkina E. S. (2024) “Green Guardians”: Russian Conservatives’ Views on Solutions to Environmental Problems. *Universe of Russia*. Vol. 33. No. 1. P. 84—114. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-84-114>. (In Russ.)
 11. Яницкий О. Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.: Институт социологии РАН. 2011.
 Yanitskiy O. N. (2011) *Ecomodernization of Russia: Theory, Practice, Perspective*. Moscow: Sociological Institute of the RAS. (In Russ.)
 12. Agisova F., Ivanova A., Sautkina E. (2023) Political Values, Patriotism, Institutional Trust and Connectedness to Nature Predict Environmental Attitudes and Pro-Environmental Behavior. *PsyEcology*. Vol. 14. No. 2. P. 244—296. <https://doi.org/10.1080/21711976.2023.2204012>.

13. Aronczyk M. (2024) Branding the Nation in the Era of Climate Crisis: Eco-Nationalism and the Promotion of Green National Sovereignty. *Nations and Nationalism*. Vol. 30. No. 1. P. 25—38.
14. Beeson M. (2019) *Environmental Populism: The Politics of Survival in the Anthropocene*. London: Palgrave Macmillan.
15. Beiser-McGrath L. F., Huber R. A. (2018) Assessing the Relative Importance of Psychological and Demographic Factors for Predicting Climate and Environmental Attitudes. *Climatic Change*. Vol. 149. P. 335—347. <https://doi.org/10.1007/s10584-018-2260-9>.
16. Bliese J. R. (1997) Conservative Principles and Environmental Policies. *Kansas Journal of Law & Public Policy*. Vol. 7. No. 1.
17. Bluhm K. (2019) Postmodernity and Modernity as Political Terms in Russia's New Conservatism. In: Suslov M., Uzlaner D. (ed.) *Contemporary Russian Conservatism*. Leiden: Brill. P. 128—150.
18. Bryant J. C., Farrell J. (2024) Conservatism, the Far Right, and the Environment. *Annual Review of Sociology*. Vol. 50. No. 1. P. 273—296. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-083023-035225>.
19. Buzogány A., Mohamad-Klotzbach C. (2022) Environmental Populism. In: Oswald M. (ed.) *The Palgrave Handbook of Populism*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 321—340.
20. Carter N. (2013) Greening the Mainstream: Party Politics and the Environment. *Environmental Politics*. Vol. 22. No. 1. P. 73—94. <https://doi.org/10.1080/09644016.2013.755391>.
21. Dawson J. I. (1996) *Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania and Ukraine*. Dares: Duke University Press.
22. Dickson Z. P., Hobolt, S. B. (2024) Going Against the Grain: Climate Change as a Wedge Issue for the Radical Right. In: *Comparative Political Studies*. 001041402 41271297.
23. Dunlap R. E., Xiao C., McCright A. M. (2001) Politics and Environment in America: Partisan and Ideological Cleavages in Public Support for Environmentalism. *Environmental Politics*. 2001. Vol. 10. No. 4. P. 23—48. <https://doi.org/10.1080/714000580>.
24. Forchtner B. (2019) *The Far Right and the Environment: Politics, Discourse and Communication*. London: Routledge.
25. Hornsey M. J., Harris E. A., Bain P. G., Fielding K. S. (2016) Meta-Analyses of the Determinants and Outcomes of Belief in Climate Change. *Nature Climate Change*. No. 6. P. 622—626. <https://doi.org/10.1038/nclimate2943>.
26. Huber R. A. (2020) The Role of Populist Attitudes in Explaining Climate Change Skepticism and Support for Environmental Protection. *Environmental Politics*. Vol. 29. No. 6. P. 959—982. <https://doi.org/10.1080/09644016.2019.1708186>.

27. Inglehart R. (1995) Public Support for Environmental Protection: Objective Problems and Subjective Values in 43 Societies. *PS: Political Science & Politics*. Vol. 28. No. 1. 57—72. <https://doi.org/10.2307/420583>.
28. Jost J. T., Glaser J., Kruglanski A. W., Sulloway F. J. (2003) Political Conservatism as Motivated Social Cognition. *Psychological Bulletin*. Vol. 129. No. 3. P. 339—375. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.129.3.339>.
29. Kohl B., Farthing L. (2012) Material Constraints to Popular Imaginaries: The Extractive Economy and Resource Nationalism in Bolivia. *Political Geography*. Vol. 31. No. 4. P. 225—235. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2012.03.002>.
30. Kuzmina Y. (2023) The Defenders of Shiyes: Traditionalism as a Mobilisation Resource in a Russian Protest Camp. *East European Politics*. Vol. 39. No. 2. P. 260—280. <https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2092842>.
31. McCright A. M., Dunlap R. E. (2011a) Cool Dudes: The Denial of Climate Change Among Conservative White Males in the United States. *Global Environmental Change*. Vol. 21. No. 4. P. 1163—1172. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2011.06.003>.
32. McCright A. M., Dunlap R. E. (2011b) The Politicization of Climate Change and Polarization in the American Public's Views of Global Warming, 2001—2010. *The Sociological Quarterly*. Vol. 52. No. 2. P. 155—194. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.2011.01198.x>.
33. Nawrotzki R. J. (2012) The Politics of Environmental Concern: A Cross-national Analysis. *Organization & Environment*. Vol. 25. No. 3. P. 286—307. <https://www.jstor.org/stable/27068855>.
34. Rootes C. (2004) Environmental Movements. In: David T., Snow A., Soule S., Hanspeter K. (eds.) *Blackwell Companion to Social Movements*. Hoboken: Blackwell Publishing Ltd. P. 608—640.
35. Schultz P. W. (2011) The Structure of Environmental Concern: Concern for Self, Other People, and the Biosphere. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 21. No. 4. P. 327—339. <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0227>.
36. Schwartz S. H., Caprara G. V., Vecchione M., Bain P., Bianchi G., Caprara M. G., Zaleski Z. (2014) Basic Personal Values Underlie and Give Coherence to Political Values: A Cross National Study in 15 Countries. *Political Behavior*. No. 36. P. 899—930. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1007/s11109-013-9255-z>.
37. Shcherbak A. (2023). Russia's "Conservative Turn" after 2012: Evidence from the European Social Survey. *East European Politics*. Vol. 39. No. 2. P. 194—219. <https://doi.org/10.1080/21599165.2022.2084077>.
38. Taylor B. (2019) Alt-Right Ecology: Ecofascism and Far-Right Environmentalism in the United States. In: Forchtner B. (ed.) *The Far Right and the Environment*. London: Routledge. P. 275—292.